

Чай Яньжань вздохнула:

— Ажань, Жун Лин — хороший человек.

Глаза её заблестели:

— И к тому же ему не нравится Лоу Юйцзэ.

Обрадовалась:

— Младший брат, у тебя одним соперником меньше!

Чай Цзыжань закатил глаза:

— Старшая сестра, мне-то Лоу Юйцзэ не нравится, а вот Мо Цзюцзюнь, кажется, к нему весьма расположен.

Чай Яньжань потрепала его по голове:

— Ажань, опять ты говоришь глупости. Господин Цзюцзюнь явно симпатизирует тебе.

Чай Цзыжань закатал рукав, обнажив руку, белую, как нефрит, и с ухмылкой спросил:

— Старшая сестра, а это что такое?

Чай Яньжань заботливо поправила ему рукав и улыбнулась:

— Это рука моего младшего брата, прекрасная, словно нефрит, даже красивее моей.

— Не угадала, — покачал головой Чай Цзыжань. — Это мурашки, которые у меня по руке побежали.

Чай Яньжань: «...»

Послеполуденное солнце висело прямо над головой, круглое и алое, словно огромное крутое яйцо. Хижина, в которой жили Жун Лин и Чай Яньжань, хоть и была просторной, но чрезвычайно убогой. А спали они и вовсе в спартанских условиях: на чисто подметённом земляном полу лежала ветхая циновка, а над ней висела ещё одна, такая же потрёпанная, отгораживая их друг от друга. Если двое спят по разные стороны этой завесы, формально это можно было считать совместным ложем.

Чай Цзыжань, прихватив циновку, которую Жун Лин «из любезности» ему выделил, постелил её рядом с Чай Яньжань и велел сестре укладываться на своё место. Подложив руку под голову, он приподнял край висящей циновки, повернулся и устался на затылок Жун Лина, скрежеща зубами от злости. Кто знает, притворялся ли этот тип порядочным, и не пользовался ли его отсутствием, чтобы посягнуть на сестру.

Чай Цзыжань прочистил горло и позвал:

— Братец Жун.

Жун Лин вздрогнул всем телом, убрал руку из-под головы и обхватил себя за плечи — явно пробрало от такой фамильярности.

Чай Цзыжань продолжил его донимать:

— Слышал я, братец Жун любит и цветы, и траву, и конский навоз, и коровий помёт, да и мужчин с женщинами тоже.

Жун Лин по-прежнему лежал к нему спиной, демонстрируя холодный и гордый затылок.

Чай Яньжань сказала:

— Ажань, не городи чепухи.

Чай Цзыжань, не желая больше лицезреть вонючего негодя, повернулся к своей прекрасной и кроткой старшей сестре и с усмешкой произнёс:

— Я ничего не выдумываю. Братец Жун не любит ни цветов, ни травы, ни конского навоза, ни коровьего помёта, ни мужчин, ни женщин. Может, он тварей любит, а не людей? — Тут он бросил взгляд на Жун Лина.

Затылок Жун Лина оставался тёмным и безмолвным.

Чай Яньжань сказала:

— Ажань, не обижай господина Жун Лина, он хороший человек.

Чай Цзыжань скривил губы:

— Пусть в зеркало посмотрит.

— Ажань! — Чай Яньжань слегка пожурила его, приподнялась на локте, заглянула за циновку к Жун Лину и, увидев, что тот, похоже, спит, облегчённо вздохнула. — Господин Жун Лин не сам выбирал, как выглядеть. Тело, волосы и кожу дают родители, негоже над ними насмехаться. — Она понизила голос:

— Ему не нравится, когда обсуждают его внешность, больше не говори об этом.

Чай Цзыжань фыркнул:

— Выглядит так, а чтоб не говорили — это уж несправедливо. — Заметив недовольство на лице сестры, сдался:

— Ладно, раз тебе не нравится, больше не буду.

Чай Яньжань улыбнулась:

— Вот и умница.

Снаружи донёлся звук гонга, и голос ночного сторожа прокричал:

— На полуденный сон! На полуденный сон! На полуденный сон!

Чай Цзыжань быстро сориентировался:

— Старшая сестра...

Чай Яньжань приложила палец к алым, сочным губам и тихо прошипела:

— Тсс.

Сторож за стеной хижины несколько раз гулко ударил в гонг и рявкнул:

— Время сна, разговоры запрещены!

Чай Цзыжань нахмурился. Эти разбойники оказались дисциплинированными. Увидев, что Чай Яньжань уже закрыла глаза, привыкнув к жизни среди лихих людей, и собирается спать, он тихонько перевернулся и снова уставился на затылок Жун Лина, который всё не поворачивался. Он впился в него взглядом, не шелохнувшись.

Прошло пятнадцать минут — Жун Лин не повернулся.

Прошло полчаса — Жун Лин не повернулся.

Прошло сорок пять минут — Жун Лин не повернулся.

Прошёл час — Жун Лин слегка пошевелил затекшими конечностями, медленно повернул голову, встретился взглядом с Чай Цзыжанем, с отвращением отвернулся и снова замер в прежней позе.

Чай Цзыжань мысленно фыркнул. Притворщик. Он ткнул его пальцем в руку. Тот не отреагировал. Ткнул ещё раз. Лишь когда за пределами хижины скрылась дородная фигура сторожа, Жун Лин наконец обернулся и с вымученной улыбкой спросил:

— Господин Цзыжань, что вам угодно?

Чай Цзыжань ехидно дёрнул уголком губ:

— Угадай.

Жун Лин приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но, вспомнив о Чай Яньжань за спиной собеседника, смущённо закрыл его, повернулся и снова улёгся, подложив руку под голову.

Чай Цзыжань понизил голос и предупредил:

— И не вздумай за моей сестрой приударить!

Спустя мгновение Жун Лин хрипло буркнул:

— Угу.

Чай Цзыжань насторожился. У этого типа явно дурные намерения.

Когда полуденный сон разбойников закончился, Чай Цзыжань повёл Жун Лина прогуляться вокруг лагеря. Хотя это и было логово лихих людей, кроме грабежей они, казалось, ничем не занимались, а напротив, проявляли некую отрешённость, сродни отшельнической. Они расчистили землю и засеяли её, а из гор струился ручей, по берегам которого зеленели молодые ростки риса, выглядывавшие из воды то там, то тут, — пейзаж получался живописный.

Чай Цзыжань покосился на Жун Лина:

— У вас, разбойников, забавы любопытные.

Чай Яньжань, державшая корзину с овощами, ущипнула брата за руку и с притворной суровостью сказала:

— Ажань, не говори глупостей. Господин Жун Лин — учёный муж, в будущем он займёт высокий пост.

— О высоких постах я уже и не мечтаю, — произнёс Жун Лин с умиротворением. — Если бы можно было прожить здесь всю жизнь, и то было бы хорошо.

Чай Яньжань с пониманием улыбнулась, и лёгкий румянец тронул её щёки:

— Я тоже была бы не прочь.

Лицо Жун Лина, с его мышинными чертами, озарилось надеждой:

— Правда?

— Неправда, даже не думай, — холодно вклинился между ними Чай Цзыжань. Он посмотрел на сестру, потом на Жун Лина, и чем больше смотрел, тем больше убеждался, что они друг другу не пара. Он снова предупредил Жун Лина:

— Моя сестра в будущем если и выйдет замуж, то за человека богатого и знатного, а не за какого-нибудь ползающего мерзавца, которому и мечтать-то о таком не след.

Чай Яньжань надула щёки:

— Ажань, не городи чепухи!

— Старшая сестра, неужели он тебе нравится? — Чай Цзыжань остолбенел. Раньше сестра тоже не позволяла ему говорить вздор, но никогда не заступалась за Жун Лина так рьяно.

Румянец на лице Чай Яньжань стал гуще, она легонько стукнула брата по груди:

— Вечно ты говоришь глупости! — Схватила корзину с овощами и убежала.

Чай Цзыжань, почувствовав, будто его грудь слегка толкнули пуховой подушкой, раздражённо уставился на Жун Лина:

— Моя сестра тебе нравится?

Жун Лин замешкался, потом взгляд его стал ещё мрачнее, и он тихо проговорил:

— Н... нет.

Чай Цзыжань кивнул:

— Рад, что ты это понимаешь.

Жун Лин весь напрягся, когда Чай Цзыжань нечаянно толкнул его, заставив отступить на пару шагов. Он едва удержал равновесие, низко опущенная голова резко поднялась, и он с обидой спросил:

— Ты просто ненавидишь меня за ту историю. Если бы я...

— Если бы и не было той истории, ты бы мне всё равно не нравился, и я бы не хотел, чтобы ты за моей сестрой ухаживал, — холодно перебил его Чай Цзыжань, бросив на него пронзительный взгляд. — У тебя ничего нет. Чем ты можешь мою сестру обеспечить?

Жун Лин открыл рот, чтобы возразить, но смог лишь смотреть, как фигура Чай Цзыжана растворяется вдали. Лёгкий ветерок заставил рисовые поля склониться, и Жун Лин невольно сгорбился тоже. Юным дарованием был не только Лоу Юйцзэ, но и он, Жун Лин. Он славился красноречием, был талантлив, мастерски слагал стихи, умен необычайно, мечтал о службе, дабы послужить империи. Но при всей своей учёности и честолюбии он был всего лишь тщедушным книжником, без чинов и богатства, с одним лишь стремлением вперёд.

<http://bllate.org/book/15931/1423996>